

Марго Генер

Стефания. Путь к себе



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Г34

Генер М.

Стефания. Путь к себе / М. Генер — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 133 с.

ISBN 978-5-532-11939-0

Пришел мир, когда потребность выходить из дома почти отпала. Доставка привезет продукты и поднимет на этаж, одежду пришлют по индивидуальному заказу, а оплатить счета с легкостью можно через телефон. Даже на работу ходить не нужно - всё в удаленном доступе. За это требуется лишь отдать время. Свое время. Но каждый решает сам, насколько оно ценно. И какая жизнь реальней - на экране или там, за окном.

ISBN 978-5-532-11939-0

© Генер М., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

*При технической поддержке
инструкторов группы Скандинавских ходоков ВДНХ «Пойдем
ходить» Светланы Савельевой, Людмилы Ветерковой и проводника
Романа Нечая. А так же Дмитрия Ерохина и Полины Власовой.
Отдельное спасибо родным и Галине Гуртовой.*

*Основано на реальных событиях, однако все герои вымышлены,
все совпадения случайны.*

Пролог

В школьном коридоре носится малышня, поднимая в воздух тучи пыли, а мы с гордым видом старшеклассников прошаживаемся между ними и требуем не бегать. Зима пришла внезапно. Сугробы выросли до самых окон, и классному фотографу взбрело в голову делать общий снимок на фоне заснеженного парка.

Несмотря на доводы учеников и споры с преподавателями, фотограф оказался неумолим, поэтому вечером всем предстояло облачиться в шубы и отправиться в парк.

Я смотрю на это со скукой и тереблю темно-каштановую косичку, потому что пребываю в мире грез после книги о человеке, который преодолел себя, своей недуг, козни окружающих. И даже отправился за полярный круг.

Он кажется мне настоящим человеком, борцом, искателем и победителем, на которого следует равняться. Я представляла, как тоже делаю что-то полезное. И когда две подруги спросили, в каких облаках витаю, выдала все, как на духу. О герое, о его девизе, о том, что хочу чего-то добиться. О зимнем походе, который организует преподаватель физкультуры для самых сильных, и о том, что хочу пойти.

Оказалось, подруги таковыми не являются, потому что к обеду весь класс дразнит меня на разные лады.

Подростки существа впечатлительные, а коллективные высмеивания выдержит не каждый взрослый, поэтому вера в героя тает, как весенний снег под солнцем.

После уроков фотограф тащит нас в зимний парк. Я следую за всеми, плетясь в самом конце, чтобы быть подальше от насмешек. Но двое мальчишек, хулиганы и неучи, отделяются от толпы и чуть отстают.

Они равняются со мной и долго на ходу разглядывают, пока в страхе думаю, что за мысли роятся в их бедовых головах.

Наконец, Петька, предводитель хулиганов школы говорит второму:

– Не. Ерунда. Ну сам посмотри. Стешка-пешка.

– Да вижу, – отзывается второй, глядя на меня и кривясь, словно жует лимон. – Она хилая. И трусиха. Какой там поход. Не возьмут.

Петька еще секунду критично рассматривает меня, затем с нескрываемым разочарованием говорит:

– Пойдем. Над ней даже издеваться скучно.

Несмотря на страх, я отвечаю:

– Отстаньте от меня и идите, куда шли.

Через секунду поняла, что сказала это зря. Петька резко повернулся и проговорил, нависнув над мной, как гора:

– Ты не дерзи, а то могу и передумать. Знаешь, что бывает с теми, кто мне дерзит?

Я хорошо помнила, мальчишек и девчонок, над которыми измывалась его команда. Клей в рюкзак, кнопки на стул, гусеница в карман – самые невинные шалости в списке услуг.

– И не лезь в команду физкультурника, – продолжил он с насмешкой и демонстративно закатил рукав. – Не хватало еще, чтоб тебя по благу взяли. Это тебе не сказочки, это настоящий зимний поход. Таким как ты, там не место. Ясно? Ясно тебе? Если не ясно, объясню по-другому.

Появиться в числе неугодных хотелось меньше всего, и я кивнула.

Они развернулись и пошли к остальным, а я осталась стоять, как оплеванная потому, что оказалась жалкой даже для хулиганов.

Вздохнув с печальным облегчением, я сделала шаг вперед, когда Петька вдруг оглянулся и прокричал:

– И книжечку-то с геройствами отдай. Ты слабая и бесполезная. Нечего девчонкам такое читать, а то мозги вырастут. Героем может быть достойный. До-стой-ный! А не сопливая девчонка. Поняла?

Я нервно сглотнула и остановилась, вытаращившись на Петьку круглыми глазами. Мне было сложно представить, как отдать книгу, перевернувшую представление о мире. Но поднявшийся в воздух Петькин кулак, грозно покачивающийся из стороны в сторону, оказался убедительным.

Снова кивнув, я поплелась за остальными под злорадный смех одноклассников.

Весь задор вместе с энтузиазмом разом сгорели в пепел перед страхом оказаться униженной человеком, который даже писать грамотно не умеет. На душе стало горько. Чувство тщедушности и беспомощности за секунду разрушили мечту, которую с заботой взрастил талантливый писатель.

Петька поселил во мне страх слабого перед сильным. Сковал веру в себя пудовой цепью, которую пришлось тащить через всю жизнь, лелея надежду однажды разорвать и избавиться от нее.

Глава 1

За окном обильно падает снег. В свете вечерних фонарей он похож на стаи белых мотыльков, которые носятся друг за другом в бешеном хороводе и мерцают ледяными боками.

Всего неделю назад зима начала заявлять о своих правах, но столбик термометра на подоконнике опустился до минус пяти. При такой температуре сердобольные родители одевают детей в комбинезоны, обматывают шарфами и натягивают шапки так, что остаются лишь нос и щеки. От мороза они краснеют и становятся похожи на помидоры. А сами дети превращаются в крошечных космонавтов.

Взрослые делятся на два лагеря. Первые – модные и современные, всегда с телефоном в руке, в легкой куртке нараспашку, словно мороз и ветер обходят их стороной. Голова открыта. На других смотрят, либо вскинув подбородок, либо с легкой игривостью, мол, смотри, я так хорош, что даже на погоду плюю.

Второй тип одевается с запасом. Что значит, шапка, утепленные штаны, обувь на толстой подошве и носки с начесом. Эти боятся замерзнуть, поэтому кутаются так, что похожи на тех же детей. Только больших.

Я отношусь ко второму типу, и выход на улицу в мороз подобен высадке на луну, когда приходится экипироваться от ботинок до макушки.

Поэтому, когда похолодало, всецело погрузилась в работу, которая позволяет оставаться дома.

В тот вечер я пересматривала старые фотографии, которые аккуратно вложены в фотоальбом много лет назад. В начале шли детские снимки, на которых я маленькой девочкой с темно-каштановыми хвостиками смотрю в объектив и улыбаюсь. Вот я с лопаткой на горке, вот на море в огромной зеленой панамке.

Я листала страницы. Когда перешла к школьным фотографиям старших классов, в груди заворчалось старое чувство досады и разочарования. Даже на общем кадре я сидела с краю в самом низу,

словно класс сжалился над убогой и позволил примоститься на снимке.

Захлопнув фотоальбом, я с раздражением убрала его в тумбочку.

Прошло десять лет после школы, но эта фотография до сих пор вызывает неприятные ощущения.

Ковыряясь в архивах не заметила, как прошел час и пришло время Морфея. Я быстро совершила вечерний туалет, но когда застилала диван, который приходится разбирать перед сном каждый раз, на столе завибрировал телефон.

Я бросила быстрый взгляд. Номер не известен. Обычно в таких случаях не отвечала, но в этот раз трель оказалась такой настойчивой, я что взяла трубку.

– Да?

– Стефания? – произнес в трубке низкий и четкий голос.

Я на секунду замешкалась, пытаясь вспомнить, кому может принадлежать баритон, но в голове возникали лишь образы эстрадных певцов.

– А кто спрашивает? – осторожно поинтересовалась я.

– Координатор, – коротко ответили мне.

Мысли смешались в кашу и растеклись, как жидкая овсянка по тарелке. Крепко потерев лоб пальцами, я переспросила:

– Координатор?

– Именно.

– Извините, – стала пояснять я, догадываясь, что человек позвонил не туда, и по странному стечению обстоятельств у его абонента то же имя, что у меня, – Вы ошиблись. У меня нет координатора.

В трубке послышался возмущенный выдох, какая-то возня, потом баритон проговорил:

– Ну как это нет? Стефания, город Москва, билет номер триста пятьдесят семь. Вам назначен проводник. Сейчас вот проверю... Да, все правильно.

Каша в голове стала еще гуще. Я оторвала телефон от уха и посмотрела на экран, будто там можно увидеть ответ. Но экран светится голубоватым, а в середине все тот же незнакомый номер. Ситуация показалась странной, почти таинственной, как в кино, когда

герою звонит неизвестный, а потом ему предлагают выбрать одну из таблеток.

Тряхнув головой, я прочистила горло и вновь поднесла телефон к уху.

– Какое еще билет? – спросила я. – Какой проводник? Послушайте, вы набрали не тот номер. Понимаете? Не тот. Я не знаю про координаторов и билет. Попробуйте позвонить еще раз.

Человек на том конце провода хмыкнул, показалось безразлично, но голос прозвучал, словно сдерживает смех.

– Уверенны?

– Абсолютно, – подтвердила я, радуясь, что наконец, удалось разобраться с банальной, но глупой ситуацией.

– Как знаете, – донеслось из трубки. – Но если передумаете, номер высветился на экране.

Не успела я попрощаться, из динамика послышались гудки. Я с недоверием покосилась на телефон, будто из него может вылезти обладатель баритона и начать доказывать, что мне нужен проводник. Потом положила на стол и направилась на кухню за водой.

На улице окончательно стемнело, ветер стих, и огромные белые хлопья неспешно опускаются на землю, покрывая ее пушистым белым облаком.

Я взяла графин и стала наливать воду. В этот же момент в голове вспыхнула картинка, в которой ровно месяц назад, я точно так же наливала воду в одном из московских антикафе, а подруги рядом хохотали, выхватывая друг у друга листы бумаги.

Рядом стоит парень в традиционном русском костюме, в руках что-то вроде бочки для лотерейных билетов. Он улыбается и подначивает нас писать и бросать бумагу в бочку. Я улыбаюсь, глядя на все это с иронией.

– А вы не хотите принять участие в розыгрыше? – спрашивает парень.

– Нет, спасибо, – отвечаю я с дежурной улыбкой.

– Неужели вам ничего не хочется? – не отстает он. – Все в этой жизни чего-то желают. Попробуйте, может вам повезет.

Я снова улыбаюсь и качаю головой.

– Не думаю, что благодаря лотерее мне подарят то, что нужно.

Парень улыбается так широко, что начинает напоминать чеширского кота.

– Кто знает, что готова подарить судьба. Говорят, достаточно лишь попросить.

– Меня все устраивает, – отозвалась я, делая глоток шипучего напитка, от которого защипало в носу.

На самом деле хочется много чего. Пятый год я работаю на дому, составляя сметы, графики и другие таблицы для компаний, которым лень делать это самим. И все это время активно прорастаю корнями в кресло. Друзья далеко. Выехать к ним – значит, бросить насиженное место, привычное, теплое и безопасное. Отправиться в другой город или страну. Задний ум говорит, что этот уют сродни теплу болота, в котором приятно и спокойно, но безжизненно. Жизнь проносится где-то за окном, яркая и пышная, как цветущий сад, однако выйти из обжитого мира сродни шагу в бездну.

– Стеша, – кричит одна из подруг, – ну чего ты? Давай. Это же просто лотерея. Они все не настоящие. Хотя бы поиграй с нами, а то ты как затворница.

Ее слова почему-то западают в душу. Парень в народном костюме подмигивает мне, и я хватаю чистый листок со стола. Под одобрительные крики и похлопывания по плечу вывожу ручкой «хочу жизни». Затем складываю бумажку.

На сгибе отпечатались цифры – три, пять, семь. Видимо, что-то намекло, и они переползли на листок, как переводка.

Потом бросаю билет в бочку. Все смеются. В том числе парень в русской одежде, при этом на меня поглядывает с улыбкой, словно смотрит в самую душу...

Воспоминание оборвалось так же резко, как и началось. Я снова обнаружила себя на кухне с графином в руке и стаканом, из которого вода давно перелилась и, стекая по столу, хлещет на пол.

Выругавшись, как сапожник, я стала вытирать стол и бескрайнее озеро на полу. Пока вытирала, мысли ползали вокруг билета, странного звонка глубоким вечером и желанием, которое в шутку написала на бумажке.